ЗАКАМСКИЕ УДМУРТЫ: общее и особенное

Г. А. НИКИТИНА,
доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник ФГБУН «Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения РАН» (г. Ижевск, РФ)

Закамскими (*Кам сьор удмуртъёс*) в Удмуртии называют этнотерриториальную группу удмуртов, расселенных за р. Камой в лесных северо-западных (Балтасинском, Бураевском, Калтасинском, Татышлинском, Янаульском, Илишевском) районах Башкортостана и в примыкающем к ним Куединском районе Пермского края.

Одна из главных особенностей закамской группы удмуртов заключается в том, что они до сих пор являются приверженцами преимущественно древних дохристианских форм религиозных верований. Современные исследователи отмечают, что куединские и башкирские удмурты с гордостью называют себя «истинными/настоящими удмуртами» (*чын удмуртъёс*), так как не изменили религиозным верованиям предков и не перешли в «русскую веру», т. е. в православие. Потомки древних переселенцев твердо убеждены в том, что их предки переселились на башкирские земли, спасаясь именно от христианизации, набиравшей обороты на их исторической родине. Процесс переселения за Каму начался в XVI в. и продолжался до конца XIX в. Отдельную подгруппу, по мнению Р. Р. Садикова, составляют крещеные удмурты д. Вотский Менеуз и Князь-Елга Илишевского и д. Купченеево Ермекеевского районов Башкортостана. К настоящему времени они перешли на татарский язык, лишь некоторые пожилые люди разговаривают по-удмуртски. По вероисповеданию они православные, по самосознанию дистанцируются от удмуртов и называют себя *крэшин* [16, *114–115*].

Всероссийской переписью населения 2002 г. в Пермском крае было зафиксировано 26,3 тыс. удмуртов, в Республике Башкортостан – 23,7 тыс. За 1989–2002 гг. численность удмуртов в Пермском крае сократилась на 6,3 тыс., в Башкирии – на 1,1 тыс. чел. Ученым известно, что в Пермском крае была локализована самая многочисленная группа удмуртов, но, как видим, она же понесла и наибольшие потери, которые можно объяснить рядом обстоятельств. Например, тем, что более 60 % пермских удмуртов проживают в городах. Говорить о наличии крепких внутриэтнических связей, об активном функционировании удмуртского языка, его изучении в школах, актуализации проблем сохранения элементов национальной культуры, ярко выраженном этническом самосознании в их среде почти не приходится. В первую очередь это связано с отсутствием каких-либо организационных, объединяющих горожан-удмуртов начал. Едва ли стоит удивляться такой ситуации, когда в их среде происходит активное «вымывание» этничности как таковой.

Со ссылкой на Г. Н. Чагина Р. Р. Садиков пишет, что красноуфимскую подгруппу (удмурты с. Юва и Верхний Бугалыш Красноуфимского района Свердловской области) исторические источники впервые фиксируют в данном регионе в 1679 г. (Переписная книга Кунгурского уезда). Тогда в Кунгурском уезде в 10 юртах проживало 15 удмуртов мужского пола. Переписная книга 1704 г. насчитывала 18 удмуртских семей. Они проживали в одной удмуртской и четырех смешанных (марийцы, татары, чуваши) деревнях [25, *114–115*].

Приходится констатировать, что почти все, что мы знаем о пермских удмуртах, связано с удмуртами Куединского района. Около 13 деревень данного района пре-

© Никитина Г. А., 2016

имущественно удмуртские, и лишь в некоторых из них совместно с удмуртами проживают русские или татары. Так как практически все удмуртские поселения расположены в бассейне р. Буй, их в научной литературе принято называть не только куединскими, но и буйскими удмуртами.

Приверженность язычеству, оторванность от основного этнического массива, инокультурные (башкирские, татарские, русские, марийские) влияния, природно-климатические условия способствовали формированию локальной культурной основы куединских удмуртов. Эти различия проявляются в хозяйственно-бытовой сфере, в обычаях и обрядах, в материальной культуре и, наконец, в языке. Однако самосознание большей частью у них удмуртское. По данным социологического исследования, проведенного учеными Перми, удмурты проявляют интерес к национальной культуре. Об этом свидетельствуют конкретные факты: в с. Большой Гондыр успешно функционирует Центр удмуртской культуры, далеко за пределами села известен фольклорно-этнографический ансамбль «Тюрагай», в соседней д. Кирга работает национальный драматический коллектив, в д. Кипчак – детская творческая группа. В Киргинской школе изучение удмуртского языка включено в программу, в Кипчакской школе оно проводится факультативно. Ощутимо тяготение наиболее активной части куединских удмуртов к этническому ядру, к удмуртским национально-культурным объединениям, например к Всеудмуртской ассоциации «Удмурт кенеш».

Руководство Пермского края, видимо, трудно упрекнуть в игнорировании интересов этнических меньшинств, проживающих на его территории. В противном случае это было бы чревато серьезными проблемами, так как в области проживают представители более 100 национальностей. Думаем, именно осознание важности этнического фактора в обеспечении гармоничной и полнокровной жизнедеятельности области подтолкнуло в свое время администрацию к созданию целевой комплексной программы «Поддержка развития национальных культур народов Прикамья». Составной частью социально-экономической политики района является программа «Гармонизация национальных и межнациональных отношений в Куединском районе» [10, *270*]. Хотя это вовсе не значит, что пермская диаспора удмуртов не имеет общих черт с проблемами других групп удмуртов, проживающих в отдалении от этнической родины. Наиболее близкая и реальная перспектива для пермских удмуртов, как и для остальных, – ассимиляция, а точнее обрусение.

С удмуртами Пермского края связана еще одна немаловажная и весьма любопытная проблема: мы имеем определенный объем информации об одной – куединской – группе, но практически не владеем никакими сведениями об остальных, в первую очередь – пермских удмуртах-горожанах. Как они чувствуют себя в условиях города? Насколько им комфортно в этнопсихологическом плане? Какова их культурная и этническая самоидентификация? Имеет ли для них какое-либо значение национальная культура или она утратила свою актуальность? В Пермской области локализована самая крупная диаспора удмуртов – почти 33 тыс. чел. (по словам самих пермских удмуртов, даже 35 тыс.), но из этого числа более или менее общее представление мы имеем приблизительно о 6 тыс. удмуртов. А что же происходит с остальными 27 тысячами?

В Куединском районе около 70 % (по данным 2002 г.) земельной площади находится под сельскохозяйственными угодьями. Основными производственными предприятиями, обеспечивающими удмуртское население работой, являются сельскохозяйственные кооперативы: СПК «Горд кужым», ОКХ «Выль сюрес», СПК «Колхоз им. Мичурина», колхоз «Югдон». Данные кооперативы среди более чем 20 хозяйств района числятся не только в десятке лучших, но и по многим показателям входят в число передовых. Так, по итогам работы среди АПК за 2000 г. СПК «Колхоз им. Мичурина» был на 2-м месте, СПК «Горд кужым» – на 3-м. По итогам зимнего стойлового содержания скота коллек-

тив ОКХ «Выль сюрес» занял 1-е место, СПК «Горд кужым» – 2-е. Причем три первых места присуждены дояркам Киргинской фермы. Лучшими телятницами, свиноводами и скотниками по итогам 2000 г. стали также труженики ОКХ «Выль сюрес», СПК «Горд кужым» и СПК «Колхоз им. Мичурина». Не сдали свои позиции хозяйства и в 2001–2002 гг.

Основную прибыль хозяйствам приносят семеноводство (СПК «Колхоз им. Мичурина», ОКХ «Выль сюрес», СПК «Горд кужым»), племенное животноводство (ОКХ «Выль сюрес», СПК «Горд кужым»), молочно-товарное производство (ОКХ «Выль сюрес», СПК «Колхоз им. Мичурина»). Кроме того, в ОКХ «Выль сюрес» выращивали овощи, в СПК «Горд кужым» прибыльно работали кирпичный завод, льняной и пимокатный цеха, СПК «Колхоз им. Мичурина» имел 2 пасеки (160 ульев) [19, *113–114*].

На этом общем довольно благоприятном фоне несколько неожиданными кажутся пессимистические высказывания об ожидаемом будущем со стороны как руководителей, так и рядовых тружеников: «складывается впечатление, что государство сознательно ведет сельское хозяйство к банкротству», «мы-то еще работаем, мы привыкшие, но дети наши уже не приучены к труду из последних сил. Что с ними будет?», «все хорошо, но в СССР все равно было лучше…» (с. Большой Гондыр), «мы здесь как отшельники, никому не нужны» (д. Рабак), «…пока работаю, но если и дальше такая политика будет, не знаю, насколько меня хватит» (д. Кирга) [19, *113–114*].

Что касается удмуртов Республики Башкортостан, то почти половина населения сосредоточена в Татышлинском и Янаульском районах, где проживает 12,6 тыс. чел.

Сведения о башкирской группе удмуртов можно почерпнуть во множестве работ как отечественных, так и зарубежных авторов. В 1768 г. через удмуртские деревни современного Бураевского района Башкортостана пролегал путь П. С. Палласа [15]. Интересные материалы по этнографии пермяков Бирского и Осинского уездов Уфимской губернии привел в своей работе И. Н. Смирнов [17]. Бирские удмурты стали предметом научного интереса венгерских исследователей, в том числе П. Хайду (1985 г.) [21, *33–35, 53*]. Религиозные верования и обряды удмуртов Пермской и Уфимской губерний в начале XX в. интересовали У. Хольмберга (экспедиционные материалы) [22], И. Г. Георги оставил «Описание всех, обитающих в Российском государстве народов…» [5], М. Бух – монографию «Вотяки. Этнологическое исследование» (1882) [9].

Диалектные особенности удмуртов Башкортостана получили освещение в работах В. К. Кельмакова, Р. Ш. Насибуллина, И. В. Тараканова [8; 12; 18]. В настоящее время отдельные элементы традиционной духовной и материальной культуры удмуртов Башкирии изучаются И. А. Косаревой, Т. Г. Минниахметовой, И. М. Нуриевой [9; 11; 14]. Ценные сведения об удмуртах Башкирии (впрочем, как и об остальных локальных группах удмуртов, проживающих за пределами современной Удмуртии) можно почерпнуть из трудов В. Е. Владыкина, Т. Г. Владыкиной, А. Е. Загребина и других современных ученых-историков, этнологов, лингвистов, фольклористов [3; 4; 7].

В 1994 г. в Уфе была опубликована небольшая брошюра Л. С. Христолюбовой и Т. Г. Минниахметовой – уроженки Бураевского района Башкирии [24]. В работе дана краткая современная демографическая характеристика, проанализированы элементы материальной и духовной культуры башкирских удмуртов, выявлена их локальная специфика. В 2000 г. в Ижевске вышла в свет монография Т. Г. Минниахметовой о календарных обрядах закамских удмуртов, в которой автор обобщил результаты многолетних исследований и межлокально-сравнительного анализа народного календаря и традиционной обрядности (материальный и духовный аспекты) удмуртов, проживающих в северо-западных районах Республики Башкортостан и в Куединском районе Пермского края. На основе полевых данных, архивных и литературных источников Т. Г. Минниахметова представила структуру удмуртского народного календаря, рассмотрела обряды и празднества го-

дового цикла, исследовала хозяйственно-фенологический календарь данной локальной группы [11].

Складывание удмуртской диаспоры в Башкирии, видимо, началось еще в XVI в., первое достоверное письменное упоминание о переселениях удмуртов за Каму относится к 1572 г. Усиливавшийся крепостной гнет, насильственная христианизация способствовали еще большей интенсификации крестьянского переселенческого потока из разных уездов Вятской и Казанской губерний, продолжавшегося вплоть до конца XIX в. Судя по названиям воршудно-родовых объединений, основной поток выходцев составляли удмурты из южных и центральных районов современной Удмуртии [1, *153–155*].

Представители этого меньшинства, бесспорно, обладают этническим самосознанием «мы – удмурты» и ориентированы на материнскую этническую культуру, хотя и имеют собственную локальную культурную базу с комплексом диалектных особенностей в языке, элементах хозяйственно-бытового уклада, в сфере материальной и духовной культуры. Их будущее (как и будущее других диаспорных групп) зависит от процессов, происходящих в обеих республиках, но в наибольшей степени – от титульной родины, так как именно там сосредоточено институциональное обеспечение национальной культуры и языка. Титульная родина декларирует обеспечение права на сохранение и развитие национального (родного) языка и традиционной культуры в своем основном законе – Конституции Удмуртской Республики (ст. 1, п. 2), которая в соответствующих статьях опирается на Конституцию РФ, на закон «О языках народов РСФСР», федеральный закон «О национально-культурной автономии». Однако многое в этом плане в Удмуртии остается пока на уровне декларации. Так, башкирские удмурты выражают недовольство тем, что удмуртские газеты приходят к ним с опозданием на 3–4 дня. Хотя от Ижевска до Янаула всего 200 км, газеты доставляются через Казань и Уфу и проходят тысячи километров, прежде чем попасть к подписчикам. Во многих школах учителя-удмуртоведы не имеют не только высшего, но и среднего специального образования, не хватает удмуртских учебников, методических пособий. Как говорят сами удмурты Башкирии, «есть у нас места, куда не ступала нога ни одного удмуртского артиста, писателя, художника» [23, *217–218*]. Из-за отсутствия ретранслятора диаспора Башкортостана (впрочем, как и диаспоры других, соседних, субъектов Федерации) лишена возможности смотреть удмуртские телепередачи, слушать удмуртское радио. Не случайно башкортостанцы удивляются: «Астрахань слышим, а Ижевск нет».

Одним словом, претензий, просьб, замечаний в адрес удмуртской стороны набирается достаточно. Может быть, поэтому башкирские удмурты в своих усилиях упрочить собственную этническую культурную базу вынуждены чаще апеллировать к руководству Башкортостана, а не Удмуртии. Поступают они подобным образом не только потому, что живут в Башкортостане. Похоже, Удмуртия и сами удмурты метрополии не оправдывают сегодня всех ожиданий башкирских удмуртов. Как говорят последние, «в Удмуртии удмурты стесняются того, что они удмурты, не говорят на своем родном языке. Мы здесь в этом плане выше их стоим» [13, оп. 2-Н, д. 1320 «а», л. 16].

Между тем во многих своих качествах башкирские удмурты достойны высокой похвалы и уважения, достойны того, чтобы на них равнялись. Так, в организации конкретных форм работы, в умении строить конструктивные отношения с местной муниципальной и республиканской властями диаспора могла бы послужить активистам удмуртского национально-демократического движения в Удмуртии образцом для подражания. В связи с этим стоит вспомнить выступление А. В. Гильмаева, заместителя редактора газеты «Азылань» Татышлинского района Башкортостана, прозвучавшее в 1996 г. на научно-практической конференции «Удмуртская диаспора: проблемы и пути их решения», организованной Комитетом по делам национальностей при Правительстве Удмуртии (ныне – Министерство по национальной политике). «Один

из важных вопросов, – говорил докладчик, – это организация удмуртов. В этом плане мы провели у себя большую работу. В июле 1996 г. собрались в нашем Татышлинском районе около 150 делегатов из 9 районов и 2 городов и создали Республиканский культурный центр удмуртов Башкортостана. До этого в Татышлинском районе было уже отделение общества удмуртской культуры, оно возникло даже раньше, чем "Удмурт кенеш". Подобное отделение во главе с Ю. С. Саитовым существовало также в Янаульском районе. Определенная работа велась в Калтасинском и Бураевском районах. Но все же надо было объединяться, создавать единую организационную структуру. Правительство Башкортостана пошло нам навстречу, оказало оперативную помощь и даже настаивало, чтобы мы скорее занялись делами. Руководителем Совета Республиканского культурного центра выбрали Р. Б. Галямшина – председателя колхоза "Дэмен". Я руковожу пресс-группой центра, мы выпускаем в Татышлинском районе единственную в Башкортостане удмуртскую районную газету "Азьлань" и работаем над созданием удмуртской республиканской газеты (в настоящее время она издается под названием "Ошмес". – *Примеч. авт.*). Хорошо контактируем с органами власти республики, особенно с социально-гуманитарным отделом Кабинета министров. Такие же прочные и постоянные связи нам нужны бы с газетой "Удмурт дунне", обществом "Дэмен", молодежной организацией "Шунды"» [6].

Таким образом, удмуртская диаспора Башкортостана ожидает от Удмуртии внимания к себе, реальной поддержки и помощи. Думаем, она имеет на это право не только потому, что считает титульную родину родоначальницей своей этнической культуры, но и потому, что сама немало вкладывает в обогащение ее культурного и научного фонда. Мало найдется в Удмуртии людей, кто бы не знал писателей-прозаиков Р. Валишина – лауреата Государственной премии Удмуртии и Ф. Пукрокова, солистку ансамбля «Италмас» Л. Ахтариеву, художника М. Гарипова – лауреата Государственной премии Удмуртии, архитектора К. Галиханова, актера К. Галиханова, журналистов В. Нуриахметова, Р. Хайдарова, У. Бадретдинова, доктора медицинских наук, профессора П. Н. Шараева, доктора филологических наук Р. Ш. Насибуллина, кандидата филологических наук Б. Ш. Загуляеву и еще многих уважаемых людей – уроженцев удмуртских деревень Республики Башкортостан.

Национальная культура для удмуртов Башкирии сегодня – одна из приоритетных ценностей. В 55 школах республики изучается удмуртский язык (обучением охвачено 62,4 % детей-удмуртов), активно сохраняется и поддерживается фольклорный слой духовной культуры, существуют талантливые фольклорные коллективы, самодеятельные драматические труппы, местные краеведческие музеи. Есть основания надеяться, что эта культура будет полновесно функционировать и в историческом будущем. А как долго – зависит от этнического ядра метрополии, самих башкирских удмуртов, от руководителей обеих республик, их мудрости и дальновидности. К чести руководства Республики Башкортостан нужно сказать, что проблема диаспор (независимо от их этнической принадлежности) осознается им как государственная проблема. Об этом свидетельствует хотя бы тот факт, что в республике принято Постановление о разработке программы под названием «Народы Башкортостана», органичной частью которой является и подпрограмма «Удмурты Башкортостана». При такой доброй воле и государственном подходе к проблемам диаспор попытки материнского этноса и титульной родины защитить интересы сородичей на стороне едва ли будут восприниматься республикой-хозяином как вмешательство во внутренние дела, ибо в выигрыше могут оказаться не только обе стороны, но и третья, т. е. этническое меньшинство в виде диаспоры.

Анализ полевых материалов, собранных в 2002 г. в ходе экспедиций к закамским удмуртам, позволяет сделать вывод, что бережное отношение к традициям своего народа, родному языку и национальной культуре свойственно в основном удмуртам Башкортостана, тогда как среди удмуртов

Куединского района Пермского края превалирует индифферентное отношение ко многому удмуртскому. Здесь от людей разного возраста нередко можно услышать полувопрос-полуутверждение: «Зачем нам нужны удмуртский язык и удмуртская культура? Что они нам дают?» [20, *139*].

Следует отметить, что этнический нигилизм среди куединских (или буйских) удмуртов, как и среди удмуртов Удмуртии, стал укореняться в 1960–1970-х гг. по мере перехода на русскоязычную систему образования. Администрация и учительский коллектив Большегондырской школы стали убеждать родителей и учащихся в необходимости хорошо владеть русским языком, а общение детей на родном языке, по их мнению, являлось препятствием для успешного освоения русского языка. Под влиянием авторитетного мнения учителей, в большинстве – удмуртов, выпускники покидали Большегондырскую школу с убеждением, что родной язык и культура их предков не представляют никакой ценности, а напротив, являются тормозом для их успешной адаптации к жизни (в то же время в удмуртских населенных пунктах Республики Башкортостан преподавание родного языка в школах никогда не прекращалось). В Пермском крае уже около 40 % удмуртов не владеют родным языком, в большинстве удмуртских школ изучение родного языка не находит должной поддержки и со стороны родителей, и со стороны администрации. Средств массовой информации на удмуртском языке тоже нет.

С конца 80-х – начала 90-х гг. прошлого века с ростом интенсивности этнической мобилизации в стране ситуация среди куединских удмуртов стала меняться. Так, в 1990 г. здесь была создана общественная организация «Удмуртский культурный центр»; активизировал свою работу удмуртский фольклорный коллектив с. Большой Гондыр «Тюрагай», получивший в 2001 г. звание «Народный»; в школьных программах стало больше внимания уделяться краеведению; расширились связи с Удмуртией и т. д. Все это пробудило интерес удмуртов к родной культуре, но не настолько, чтобы можно было говорить о существенном росте их этнического самосознания.

Согласно полевым данным, эмоционально-психологическое самочувствие удмуртов Куединского района достаточно спокойное: в иноэтничном окружении они чувствуют себя комфортно и не видят каких-либо угроз для возникновения межэтнического напряжения с русскими. Удмурты здесь пользуются уважением со стороны как районных органов власти, так и населения. В удмуртских сельских поселениях администрациями, сельскохозяйственными предприятиями, школами, домами культуры руководят преимущественно удмурты. Более того, по словам главы Куединского районного муниципального образования, руководству хотелось бы, чтобы удмурты проявляли большую активность, так как они не всегда успевают за ритмом жизни в силу некоторой своей инертности.

Сегодня удмурты Куединского района больше склонны идентифицировать себя как жителей Прикамья и граждан России, нежели представителей удмуртского этноса. Превалирование политико-гражданской направленности коллективной идентичности над этнокультурной вызвано скорее всего общим положительным имиджем Пермского края. Это один из динамично развивающихся регионов Приволжского федерального округа: инновационные подходы пермской администрации к решению вопросов социально-экономического характера привлекают внимание федерального центра, край часто выступает в качестве экспериментальной площадки для апробации новых программ и проектов. В среднесрочной перспективе будущее пермского Прикамья представляется достаточно благоприятным.

В то же время в Пермском крае явно преобладает численность русскоязычного населения, и данный субъект Федерации воспринимается как русская территория. Длительное проживание в регионе с преобладающим русским населением, со спокойной обстановкой в сфере межэтнических отношений, видимо, способствует ориентации

пермских удмуртов на идентификацию себя русскими. Быть не только жителем края, но при этом еще и русским, похоже, воспринимается как обладание иным, более высоким, социальным статусом. Исходя из вышеизложенного можно предположить, что только безусловные успехи, достигнутые самими удмуртами Куединского района в разных сферах жизнедеятельности, а также повышение авторитета Удмуртской Республики в их глазах могут переориентировать их коллективное самосознание в пользу удмуртской идентичности.

Политико-культурная ориентация удмуртов Башкортостана имеет двойственный характер: с одной стороны, налицо стремление к сохранению своей этничности, тяготение к исторической родине, а с другой – достаточно лояльное отношение к республике проживания. Двойственность коллективной идентичности, по всей видимости, объясняется социально-экономической и политической ситуацией в Башкортостане. В частности, согласно полевым данным 2002 г., в Татышлинском и Янаульском районах подавляющее большинство преимущественно удмуртских по составу населения сельских поселений, сельскохозяйственных производственных кооперативов, школ, детских садов, домов культуры возглавлялось представителями удмуртского этноса. Удмурты были представлены и на уровне районного руководства, особенно в Татышлинском районе. Межэтнические отношения уже на протяжении многих лет оставались спокойными и отличались стабильностью. По словам собеседников, за время многовекового соседства удмуртов, башкир, татар, марийцев в лексиконе этих народов не появились слова, оскорбляющие и унижающие чувство национального достоинства других.

Однако говорить о том, что удмурты вообще не испытывают какого-либо дискомфорта, было бы не совсем верно. Например, сами же представители диаспорной группы, утверждая, что в Башкирии они не ощущают никакой дискриминации со стороны доминирующего этноса, то и дело сетуют, что по многим причинам (финансовым, политическим и т. д.) их детям путь в высшие учебные заведения Уфы и других крупных городов республики практически закрыт, поэтому они предпочитают получать высшее образование в Удмуртии или в Пермском крае. Одна из известных удмуртских журналисток и поэтесс (уроженка Башкирии, живет в Удмуртии) таким образом оценивает самочувствие удмуртов Башкирии: «Мы в Удмуртии хотя бы на втором месте (после русских), поэтому нам легче здесь пробиться, а у себя мы только третий сорт, если не четвертый (после русских, башкир и татар). Об этом, конечно, никто открыто не говорит, но такое отношение все равно чувствуется» [15, *44*]. Внутренняя политика Башкортостана, судя по фактам, имеет определенный дискриминационный характер (если не действием, то результатом) по отношению к представителям нетитульной национальности. В частности, в 1995 г. башкиры, составляя 21,9 % населения Башкортостана, занимали 73,3 % должностей в высшей правящей политической элите и 48,4 % – в территориальных структурах власти республики. Тенденция к «башкиризации» республики явно ощущалась и в ходе переписи населения 2002 г. [16, *247*].

Удмуртские СПК Янаульского района Башкирии, по словам заместителя главы администрации г. Янаул, являются одними из лучших. «Глава района всегда ставит их в пример другим, – отмечает он. – Руководители хозяйств колхоза “Победа”, СПК “Колхоз им. Мичурина”, “Восток”, “Волга” имеют награды и звания как республиканского, так и всероссийского уровня». В Янаульском районе, в отличие от всех других районов рассматриваемых субъектов РФ, широко представлены фермерские хозяйства. В марте 1992 г. здесь была создана Ассоциация фермерских хозяйств, первым председателем которой стал удмурт В. Т. Касфатов (руководил до 1998 г.). Анализ полевых материалов, собранных в Татышлинском и Янаульском районах Башкортостана, наводит на мысль, что руководство республики любыми путями пытается сохранить «социалистический островок» на селе: и территории сельских администраций, и коллективные хозяйства, и большая часть руководи-

телей здесь сохранились со времен социализма; в колхозах по-прежнему существует должность освобожденного председателя профкома; в школах активно работают пионерские организации со 100 % охватом учащихся (начиная с 5 класса). В самом северном районе Башкортостана, Татышлинском, удаленном от больших городов, непротивление решениям сверху особенно ощутимо [20, *117,119*].

Нельзя отрицать того, что в местах компактного проживания удмуртов им оказывается достаточная помощь и поддержка со стороны как районной, так и республиканской властей. Тем не менее должное признание и уважение им проще заслужить на своей исторической родине – в Удмуртии, где выходцы из башкирской диаспорной группы становятся руководителями республиканского уровня и достигают высоких званий в области науки, образования, культуры и искусства и т. д.

Таким образом, вполне логично для башкирских удмуртов проявлять приверженность Удмуртской Республике, где им удается успешно реализовать себя и достичь высокого социального статуса, не отказываясь при этом от своей этничности. Однако более стабильное и динамичное, по сравнению с Удмуртией, социально-экономическое развитие Башкирии в постсоветский период, обеспечившее соответственно и более высокий уровень жизни населения, обусловливают сохранение лояльного отношения удмуртов к субъекту Федерации, ставшему для них постоянным местом проживания. Как представляется, такая направленность идентичности удмуртов Башкортостана сохранится и в дальнейшем, и только возможные масштабные и глубокие изменения социокультурной среды могут вызвать существенную политико-гражданскую и культурную переориентацию данной диаспорной группы.

Поступила 20.05.2016

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Атаманов, М. Г.* По следам удмуртских воршудов / М. Г. Атаманов. – Ижевск : Удмуртия, 2001. – 216 с.
2. *Бух, М.* Вотяки. Этнологическое исследование / М. Бух ; пер. с нем. А. Н. Маркина. – Гельсингфорс, 1882. – 248 с.
3. *Владыкин, В. Е.* Религиозно-мифологическая картина мира удмуртов / В. Е. Владыкин. – Ижевск : Удмуртия, 1994. – 384 с.
4. *Владыкина, Т. Г.* Удмуртский фольклор : проблемы жанровой эволюции и систематики / Т. Г. Владыкина. – Ижевск : УИИЯЛ УрО РАН, 1997. – 356 с.
5. *Георги, И. Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов. Их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, забав, вероисповеданий и других достопамятностей / И. Г. Георги. – Санкт-Петербург, 1799.
6. *Гильмаев, А. В.* Из выступления на научно-практической конференции «Удмуртская диаспора : проблемы и пути их решения», организованной Комитетом по делам национальностей при Правительстве УР, 1996 г. (материалы не опубликованы).
7. *Загребин, А. Е.* Финно-угорские этнографические исследования в России (XVIII – первая половина XIX в.) / А. Е. Загребин. – Ижевск : УИИЯЛ УрО РАН, 2006. – 324 с.
8. *Кельмаков, В. К.* К истории удмуртов правобережья Вятки // Материалы по этногенезу удмуртов. – Ижевск, 1982. – С. 128–144.

BIBLIOGRAPHY

1. *Atamanov, M. G.* (2001), In the wake of the Udmurt Vorshuds, Izhevsk: Udmurtia.
2. *Buch, M.* (1882), Votyaky. Ethnological research, Helsinki.
3. *Vladykin, V. E.* (1994), Religious-mythological world picture of the Udmurts, Izhevsk: Udmurtia.
4. *Vladykina, T. G.* (1997), Udmurt folklore: problems of genre evolution and systematics, Izhevsk: UIIYAL UB RAS.
5. *Georgu, I. G.* (1799), Description of all the peoples living in the Russian State. Their everyday rites, usages, clothing, shelter, fun, faith and other memorability, Saint Petersburg.
6. *Gilmaev, A. V.* (1996), From the speech at the conference “Udmurt Diaspora: Problems and Solutions” organized by the Committee on Nationalities of the Government of UR (unpublished material).
7. *Zagrebin, A. E.* (2006), Finno-Ugric ethnographic research in Russia (XVIII – the first half of the XIX century), Izhevsk: UIIYAL UB RAS.
8. *Kelmakov, V. K.* (1982), On the history of the Udmurts of the right bank of the Vyatka, Materials on Udmurt ethnogenesis, Izhevsk, p. 128–144.
9. *Kosareva, I. A.* (2000), Traditional women’s clothing of Udmurt peripheral groups at the end of XIX – beginning of XX century, Izhevsk.
10. *Makarov, A. P.* (2005), On the interaction of local governments with the national-cultural

9. *Косарева, И. А.* Традиционная женская одежда периферийных групп удмуртов в конце XIX – начале XX в. / И. А. Косарева. – Ижевск, 2000. – 228 с.
10. *Макаров, А. П.* О взаимодействии органов местного самоуправления с национально-культурными объединениями по гармонизации межнациональных отношений // Диаспоры Урало-Поволжья. Материалы межрегиональной научно-практической конференции (Ижевск, 28–29 октября 2004 г.). – Ижевск, 2005. – С. 114–119.
11. *Миннияхметова, Т. Г.* Традиционные обряды закамских удмуртов / Т. Г. Миннияхметова. – Ижевск, 2000. – 168 с.
12. *Насибуллин, Р. Ш.* Камсьор удмуртъёс // Инвожо. – 1997. – № 2. – С. 11–14.
13. *Научно-отраслевой* архив Удмуртского института истории, языка и литературы УрО РАН. РФ. Оп. 2-Н. Д. 1320 «а». Л. 16.
14. *Нуриева, И. М.* Импровизация в песенной культуре удмуртов : жанр, стиль, мышление / И. М. Нуриева. – Ижевск, 2014. – 112 с.
15. *Паллас, П. С.* Путешествие по разным провинциям Российского государства : В 3 ч. – Ч. 3. 1772 и 1773 гг. – Санкт-Петербург, 1788.
16. *Садиков, Р. Р.* Из истории формирования закамской группы удмуртов // Диаспоры Урало-Поволжья. – С. 114–119.
17. *Смирнов, И. Н.* Пермяки. Историко-этнографический очерк // Известия общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете, 1891. – Т. 9. – Вып. 2.
18. *Тараканов, И. В.* Межъязыковые контакты в Волжско-Камском регионе // Диаспоры Урало-Поволжья. – С. 180–183.
19. *Шеда-Зорина, И. М.* Удмуртская диаспора в субъектах федерации различного типа : дисс. … канд. ист. наук. – Ижевск, 2007. – 221 с.
20. *Шеда-Зорина, И. М.* Влияние иноэтничного и иноконфессионального окружения на формирование самосознания закамских удмуртов в XV–IX вв. // Диаспоры Урало-Поволжья. – С. 82–87.
21. *Хайду, П.* Уральские языки и народы. – Москва, 1985.
22. *Хольмберг, У.* Путешествия к удмуртам и марийцам // Письма Уно Хольмберга 1911 и 1913 гг. / под ред. С. Лаллукки, Т. Г. Миннияхметовой, Р. Р. Садикова. – Санкт-Петербург : Европейский дом, 2014. – 224 с.
23. *Христолюбова, Л. С.* Удмуртская диаспора в отражении удмуртской прессы в первой половине XX в. // Диаспоры Урало-Поволжья. – Ижевск, 2005.
24. *Христолюбова, Л. С.* Удмурты Башкортостана (история, культура, современность) / Л. С. Христолюбова, Т. Г. Миннияхметова. – Уфа, 1994. – 56 с.
25. *Чагин, Г. Н.* Этнокультурная история Среднего Урала в конце XVI – первой половине XIX века / Г. Н. Чагин. – Пермь, 1995.

associations for the harmonization of inter-ethnic relations, Diaspora Ural-Volga region, Proceedings of interregional research conference, Izhevsk, 28–29 October 2004, Izhevsk, p. 114–119.
11. *Minniyahmetova, T. G.* (2000), Traditional rites of Kama Udmurts, Izhevsk.
12. *Nasibullin, R. Sh.* (1997), Kamsor udmurtës, Invozho, № 2, p. 11–14.
13. *Scientific* and Industrial archive of Udmurt Institute of History, Language and Literature, Ural Branch of Russian Academy of Sciences of Russian Federation, Op. 2–H. D. 1320 “a”. L. 16.
14. *Nuriyeva, I. M.* (2014), Improvisation in Udmurt song culture: genre, style, thinking, Izhevsk.
15. *Pallas, P. S.* (1788), Journey in various provinces of the Russian state. In 3 parts. Part 3. 1772 and 1773, Saint Petersburg.
16. *Sadikov, R. R.* (2005), From the history of the formation of the Zakamsk group of the Udmurts, Diaspora of Ural-Volga region, Interregional research Conference, p. 114–119.
17. *Smirnov, I. N.* (1891), Permians. Historical and Ethnographic Essay, Newsletter of the Society of Archaeology, History and Ethnography at the Imperial University of Kazan, Vol. 9, Issue 2.
18. *Tarakanov, I. V.* (2005), Interlingual contacts in the Volga-Kama region, Diaspora of Ural-Volga region, p. 180–183.
19. *Sheda-Zorina, I. M.* (2007), Udmurt diaspora in the subjects of the federation of various types, thesis for Candidate of Science Izhevsk, 221 p.
20. *Sheda-Zorina, I. M.* (2005), Influence of ino-ethnic and inoconfessional environment and the formation of self-consciousness of Kama Udmurts in the XV–IX centuries, Diaspora of Ural-Volga region, p. 82–87.
21. *Hydu, P.* (1985), Ural languages and peoples, Moscow.
22. *Holmberg, W.* (2014), Travel to Udmurts and Maris in S. Lallukka, T. G. Minniyahmetova, R. R. Sadikov, (eds.), Letters Uno Holmberg 1911 and 1913, Saint Petersburg.
23. *Khristolyubova, L. S.* (2005), Udmurt diaspora in the media presentation in the first half of the XX century, Diaspora of Ural-Volga region.
24. *Khristolyubova, L. S.*, Minniyahmetova, T. G., (1994), Udmurts of Bashkortostan (history, culture, modernity), Ufa.
25. *Chagin, G. N.* (1995), Ethnocultural history of Middle Urals at the end of XVI – first half of XIX century, Perm.